

Евгений
ГУЗЕЕВ

Будь здоров, жмурик

Евгений Гузеев
Будь здоров, жмурик
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36060423

Будь здоров, жмурик / Е. Гузеев: Алетейя; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-907030-00-8

Аннотация

«Будь здоров, жмурик» – новая литературная работа и четвертая книга Евгения Гузеева. Это рассказ о смерти и жизни – именно в такой последовательности, поскольку события, описанные героем, пережившим смерть, вовсе не кончаются остановкой дыхания и сердца, а имеют продолжение в условиях иного мира – лишенного привычной материи. В этой книге смерть героя им самим и описана. Будучи человеком молодым и несколько циничным, автор условных записок иронично относится к «даме в черном балахоне» и, рассказывая о серьезных вещах, естественно, не может обойтись без черного юмора. Однако в произведении черное сочетается и с другими оттенками и цветами, переплетается с бытовым и абсурдным юмором и не слишком далеко уводит от привычной нам реальности, не смотря на фантастический сюжет. А о том, что написано с натуры, можно

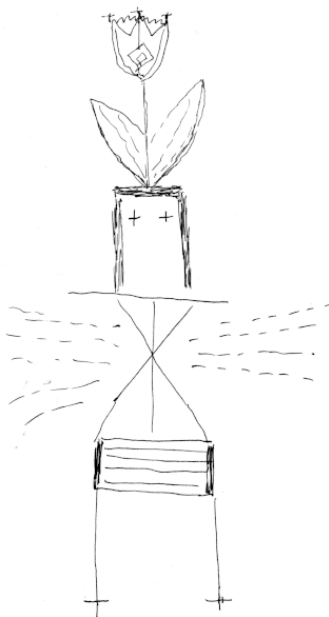
догадаться, ведь автор – врач и в далекие студенческие годы обязан был пройти курс судебной паталогоанатомии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Евгений Гузеев

Будь здоров, жмурик

Глава 1

Я вот думаю, последние часы моей жизни были не такими уж мерзкими. Повезло-не повезло, но, в любом случае, все прошло не хуже, чем у других. Главное – это быстренько и неожиданно свалить без всяких там тягостных и затянувшихся на неопределенный срок финальных сцен. И пусть добавят особо требовательные, что из всех видов безболезненного ухода важнейшим для нас является успение во сне и непременно в своей собственной постели, но это, согласитесь, совсем уж выигрыш в лотерею, редкость крайняя. Нет, нет, и я, в принципе, тоже должен быть доволен. Тем более уютно и премило незадолго до знаменательного того момента находиться в хорошей компании коллег по работе, а не на каком-нибудь там койко-месте в течение многих месяцев, в сомнительной больничке, на ржавых простынях, с горечью от лекарств во рту и с несъедобной уткой под койкой. Как вы считаете? По-вашему, лучше покинуть этот мир, лежа на судне, словно капитан дальнего плавания, которому умереть на судне – мечта? А нате, извольте, попробуйте сказать, что она не осуществилась. Кстати о море. Увы, работа моя с ним не была связана. Согласен, бороздить моря и океаны – неплохое занятие. Но и я был доволен местом своей работы на материке – спасибо дружному коллективу нашей Экспериментально-производственной лаборатории фракциониро-

вания белков. Надеюсь, они (дружный коллектив, а не белки) еще помнят тот рыжий осенний день, когда общались со мной, увы, не подозревая, что видят своего коллегу в последний раз. Впрочем, об этом я и сам не догадывался.

Это был обычный будничныи день, но мы не разбежались по домам, а остались в лаборатории допоздна, ибо был повод. Помните ли вы, о други моя, как увлеченно мы травили анекдоты, чокались разнокалиберной посудой и закусывали? И правда, хорошо сидели. Ну, а потом что? Потом, чуть позже, это самое и случилось, ибо в полночь, когда я пытался добраться до дома обычным общественным транспортом, с неба слетели черно-белые ангелы смерти, лишили меня земного гражданства и, подхватив под белые руки, утащили в неизвестном (особенно атеистам) направлении. Сам-то я, между прочим, слегка подзабыл эту печальную дату. Как сидели – помню, а время, год, дата будто бы стерлись из моей памяти, ибо времени, как предполагают многие умные люди, не существует во всей остальной вселенной. Теперь-то, пройдя черту, я и сам почти перестал об этом думать. Вам же, оставшимся там, никто не мешает продолжать заводить свои будильники перед сном, коль так удобней и приятней. Увы, когда-нибудь и вам станет по барабану вся эта превращенная в материю паранойя – от песочных часов до машины времени. Ах да, прошу прощения – циник я еще тот. Это так – на будущее, которого, впрочем, тоже нет, как и прошлого, а это просто два противоположных полюса, даю-

щие кому-то, похожему на нас с вами, необходимую энергию – горящую лампочку в коридоре или звук в транзисторном приемнике. И в этом суть бесконечности.

Впрочем, если все же воспользоваться родным понятием время, то когда же оно, это самое, случилось? Когда я в последний раз подносил к глазам циферблат своих часов, улыбался живым движущимся стрелкам, наивно веря в их безостановочность, граничащую с бесконечностью? Неважно, если у кого-то будильники и наручные часы останавливались, ломались или забывались заводиться. Но ведь остальной, наверно миллиард будильников, ручных, настенных и башенных часов, продолжал тикать, тянул нас за собой и только в одном направлении, отдаляя от противоположного. О да, конечно, то были славные 70-е. Ведь, кажется, генсек наш тоже еще всюду тикал. Его тоже подхватывали под белы руки и поднимали на мавзолей по праздникам, но не ангелы – свои. А я-то, представьте, молодой, сильный, без хронических болячек... И надо ж – вляпался... в смерть. В мирное время. Но, ничего не поделаешь. Значит, не судьба – пришел нежданно-негаданно каюк черноглазому молодому инженеру, выпускнику химико-технологического института. Так вот, любезный мой читатель, приспичило мне с какой-то стати повспоминать подробности – как она, жизнь моя, в тот момент оборвалась. Ну и прочее. Как говорится, товарищ скоропостижно скончался... Впрочем, подробности о ней, моей персональной смерти, чуть позже. Как уж тут без пре-

дисловия обойтись...

Мне, бедному сироте, шел в ту пору всего тридцатничек, и об эмиграции на тот свет раньше времени я вовсе не помышлял. С чего это вдруг? Ведь и на глобусе нашем голубом было неплохо, мне казалось. Особенно после серого детдомовского детства, с которым не так уж давно было покончено. И теперь жить бы да жить. Как говорится, когда-нибудь, когда-нибудь, потом, потом, потом, наступит тот момент, чей-то сухой кулачок постучится тихонько в дверь и... А если и задумывался иной раз о законе неизбежного завершения бытия, то разве что на какую-нибудь минуточку и нарочно ироничными цветными красками раскрашивал в своем воображении сию мрачную, должную быть черно-белой, чем-то вроде полосатого пограничного шлагбаума, картинку. Все, что касалось религий, церквей и храмов, учений о продолжении и вечности бытия, было для меня чем-то малопривлекательным, вроде математики, которую я плоховато воспринимал в школе и как-то обходился лишь поверхностными познаниями, не углубляясь в дебри этой науки. Да и институт закончил благодаря шпаргалкам. Иначе бы не дотянул.

Однажды, будучи слегка нетрезвым, заговорил я на эту тему в небольшой компании, поместившейся за кухонным столом нашей квартирки. Заметил, что, мол, ежели за известной чертой тебя поджидает некий иной мир, то нужно, видимо, стараться быть правильным здесь, чтобы заслужить его.

Это значит, не грешить, посещать, к примеру, храм, хоть это и не одобрялось властью, вести себя идеально, не пить, по лямкам не шляться, не допускать иных излишеств нехороших и прочие заповеди соблюдать, чтобы после смерти в какое-нибудь приличное место попасть. Все это как раз то, что простой смертный землянин очень редко и неохотно соблюдает, в том числе и я грешный. Или, может быть, я зря волнуюсь? Все закончится, будто свет отключили? На это убежденный атеист и материалист, член партии, а по специальности электрик, с корыстной целью приглашенный мною в гости вместе с другими приятелями (небольшая проблемка с электропроводкой), предположил свою материалистическую теорию, обосновав ее собственным печальным опытом:

– Саня, (забыл представиться – меня действительно Александром зовут) твоя очаровательная супруга замечательно готовит (это точно) и стол сервирует по всем правилам приличия. Надо было бы все это сфотографировать до того, как... А то мы, точно свиньи... Но вот, признаюсь, не давеча как вчера я в антисанитарных условиях чем-то радикально противоположным закусывал, от чего фотоаппараты ломаются и пленки плавятся. Тьфу. А пил... Пил я, прости меня, господи, с сантехниками вашими... как его? – центрифугат. Нынче-то я осведомлен о том, что это за пойло – тот самый промежуточный продукт, что остается от адской смеси спирта и сыворотки крови после центрифугирования и отделения от этой мутной жижи ценного продукта ваше-

го альбумина? Так ведь? А отходами производства является некая жидкость... — почти тот же самый спирт, выполнивший свою роль. И это вот многоградусное и многолитровое зелье за ненадобностью выливается в присутствии комиссии в раковину. О, Господи, разве ж такое допустимо? Кому-то оно — центрифугат, а кому-то... Неужели сантехники будут хладнокровно наблюдать за этим кошунством? Почитай, почти чистый спирт и в канализацию! Вот только слово «почти» мешает лично мне, вроде не совсем деградировавшему любителю выпить, ибо напиток сей не чистый и не стерильный, не совсем прозрачный. Так как же я, член партии, тогда умудрился упить этим? Единственное оправдание моему поступку: я не понял, что они мне подсунули. Надо ж было поинтересоваться или догадаться, прежде чем целый стакан этого сомнительного-упойтельного влить в себя. Это, наверно, только я один, ну и, конечно, ваше начальство не знают про то, как в подвале это пойло воруетса водопроводными гениями с помощью отвода от канализационной трубы. Ну, фильтруют, конечно, ребята эту муть, но все же... Бррр... А потом, когда эти сволочи секрет раскрыли, мне уже было все равно. Я уже успел опуститься до их животного уровня. Отрешенно подставил опустошенный стакан и пошло... Так вот... О чем я? Ах да, если сравнить ту трапезу а-ля центрифугат и вот эту нынешнюю с ликерами, коньячком и замечательными закусками, то, не смотря на радикальную противоположность качества и ритуала, все же наблюдается один

и тот же дальнейший ход событий или исход судьбы этих двух вариантов застолья. И то, и другое, сопровождается ли оно блаженной улыбкой или гримасой отвращения, с нашей помощью неизбежно перейдет в иное, известное состояние. Вот я и думаю, что человек, зарытый в землю – глупый ты или гений, праведный или нет, а червячкам-то все по барабану. Свою задачу улучшать плодородные качества почвы они будут выполнять при любом варианте. Хотя египетские мумии... Впрочем, поговорим лучше о спорте, мы ведь за столом.

Фу, пьянь-фортепьянь, – за столом и о таком. А еще и член партии. А вдруг он уже гепатит подхватил? Впрочем, он прав, мы все знали про сантехников, а смотрели сквозь пальцы. Но не стучать же начальству.

Нет, эта затянутая аллегория не убедила меня встать окончательно на сторону абсолютного атеизма, ибо далеко не все мирские явления то здесь, то там совпадали с официальными, навязанными нам, материалистическими теориями устройства жизни и вселенной, в том числе и этой теорией, что выдал мой друг-философ-атеист-электрик-алкаш, а также член партии. Однако я, будучи сравнительно молодым, беспечным и ироничным, не торопился обращаться к религиям, чтобы поподробней ознакомиться с тем, чем все это нафиг закончится и во что перейдет. Я вообще не мог серьезно сосредоточиться ни на той, ни на другой схеме перехода в иное состояние и пока как-то цинично представлял

тот торжественный и роковой миг завершения своего существования на этом свете лет этак через сто, а это ой как еще не близко. Тем более на первом этапе моего существования почему-то казалось, что время движется слишком уж медленно: очень хорошо помнилось, как тянулись долго и нудно те бесцветные детдомовские дни, детство так называемое. А мы, дети, страдали и уставали от этой медленной скорости, спешили стать большими и вырваться из постылой и убогой детской казармы. Каждый мечтал, что вот приедет из-за границы богатая бездетная пара и заберет навсегда, увезет в красивом иностранном автомобиле в сказку. Да хоть наши бы спасли. Но увы...

Понятно, что и такое затянувшееся детство тоже должно было когда-нибудь закончиться. Но вот почему-то наивно думалось, что и вся оставшаяся жизнь будет такой же черепашьей ездой на первой скорости, какой была в начальном ее периоде вплоть до окончания средней школы (а в моем случае до прощания с детдомом). Казалось после всего этого: ну и отлично, ведь теперь вроде бы торопиться нет нужды, пусть оно, время, так и продолжает двигаться медленно и лениво. Куда, зачем нынче бежать? Все, приехали, теперь-то мы молоды и свободны, вокруг полно разного рода приятностей. Никто не спешит стариться и умирать. Ах, как долго мы еще будем молодыми-красивыми. Особенно юные девы, кстати, так склонны считать. Не поэтому ли на лицах самых смазливых такая уверенность и дерзость? Думают, получили

право вечно оставаться неувядаемыми благоухающими розами и прочими цветами. Ой, не догадываются наши милые богемные подружки, что вскоре и их время начнет набирать обороты, а не ползти, как в детстве, и понесется все быстрее и быстрее в сторону полустанка Climax, но и там не задержится. А потом и вовсе – ледяной спуск. Попробуй, останови на ходу эту набирающую скорость тяжелую машину, лишенную тормозов – не поможет. Впрочем, вру – однажды остановится. Раз, два, потом еще годков тридцать, и ты там, у черты. Последнее, что остается и чем можно притормозить процесс, это пудра, помада, краска для седых волос и прочие почти бесполезные изобретения для омоложения этих паникующих особ известного возраста. А нам, мужикам, остается только рукой махнуть и приготовиться. Впрочем, некоторые старички тоже красят волосы или напяливают на лысины парики.

У нас в доме, кстати, случайно подслушал я разговор двух старух. Одна не без гордости рассказывала другой бабке, что, мол, не может выйти на улицу, не накрасив губы, даже с целью вынести мусор, ведь в доме живут мужчины, да и вообще неприлично как-то без пудры и губной помады. А я подумал: намалеваны у нее губы или нет – все равно она для меня, молодого циника, просто бабка – и с помадой на губах, и без нее. И пусть она выглядит на три года моложе в свои официальные восемьдесят, благодаря этим ухищрениям. Может быть они, старушки эти, для старичков-ровесничков стара-

ются, и те действительно это как-то способны оценить? Не знаю. Но вряд ли. В нашем доме мужской пол представлен в большинстве своем молодыми трудоспособными ребятами вроде меня. Вслух-то я, конечно, выдал бы комплимент, порадовал бы старушку при случае. «Ах, Таисия Николаевна, позвольте вам ручку поцеловать. Вы сегодня очаровательны. Отчего у вас в руках мусорное ведро, а не...» Ну, ну, что бы ей такое этакое сказать, придумать на ходу? Кем-то подаренный букетик душистых ландышей вместо мусора? Ну, хотя бы это. А в душе все равно бы цинично ухмыльнулся. Ну да, признаюсь, не правильно воспитан в детдоме без родителей, плохие мысли в голову залетают, стыдно иной раз.

Так, глядя на старушек и старичков и пока не чувствуя ускорения времени, думал я: нет, ведь в ближайшие годы меня сие касаться не будет, все ж еще много сладких годов предстоит пережить прежде, чем сам окажусь таким вот моченым яблоком. Ну а потом, предполагал я неохотно, так и пройдут эти сто лет (непременно сто лет, не меньше!), и что дальше? И утешал себя тут же: скорее всего мне тогда уже будет наплевать, усну ли сладко и навечно, проснусь ли снова в чьей-то утробе, или обрету крылья. Как говорится, надел чистую рубаху, лежу поверх застланной постели, спокоен, как танк, готов к легкому и безболезненному финалу. Жду. Вспоминаю все хорошее (естественно, жизнь прожитая длинная, все видел, все попробовал, где только не побывал, побаловал себя вдоволь разнообразными приятными веща-

ми). Родные, дети, внуки, если таковые появятся, ушли по своим домам, чтобы не мешать. Будет ли Люба рядом, или я ее переживу – об этом как-то не думалось. В комнате только маленький круг освещается огарком кем-то подаренной церковной свечи, свет на границе круга еле-еле касается моего спокойного лица.

Все остальное еле просматривается в гуталиновом мраке. Лишь в окне где-то мелькает неоновая надпись, призывающая хранить деньги в сберегательной кассе. Хранить и хоронить – какие похожие слова.

И вот все, кранты, часы пробили свои двенадцать металлических ударов. Раздается осторожный, но настойчивый стук в дверь. Понятно, что к электрическим звонкам тот, кто стучит (вернее та, которая), относится с презрением. И что вы думаете? В последний момент в своем циничном сценарии я решаю сделать вид, что меня нет дома. Но этот гость... Нет, опять же, конечно, гостя – дама в черном балахоне и с косой в руках. Итак, она, пораскинув своими мумиозными мозгами, сует в дырочку замка острие своей косы и начинает ковыряться в нем. Скрипит и скрипит, хоть уши закрывай. Но нет, у меня ведь еще засовы внутри, дверь не поддается. А замок – финский, особый. Короче, уходит, оставив записочку, нацарапанную старчески дрожащим почерком, мол, когда вас можно застать, где мы, товарищ, могли бы встретиться, очень уж у меня важное дело и т. п. Ах, как я буду ухмыляться, глядя в окно на нее, стоящую в полумраке, и с

чувством глубокого неудовлетворения ждущую троллейбуса на остановке. Хотя нет, последний раз, когда я об этом думал, у меня был трамвай. Но это не так важно. В общем, так наивно иногда играло мое воображение. Ну циник я, циник и черный юмор люблю, что вы хотите.

А между прочим, моя первая любовь Валя Синичкина на тот момент была уже на том свете – острая смертельная болезнь, кажется лейкоз. Вы, конечно, будете смеяться, но и моя вторая любовь, успевшая стать случайно законной супругой на целых три медовых месяца, Лида, – и та попала туда же. Несчастный случай (нет, я ни при чем). И вот, побыв недолго вдовцом, я снова не один. Теперь вот Люба, которая хорошо готовит и сервирует... Нет, с ней все серьезно, и несколько лет совместной жизни убедили нас обоих, что мы нужны друг другу. Но в моей душе осталась та сусека, в которой я хранил и те юношеские противоречивые ощущения чего-то вроде любви к двум предыдущим своим, тоже юным и несмышленным, дамам, хотя при их жизни так и не разобрался, насколько серьезны и надежны были эти чувства.

Так вот, Люба... Я ее любил как взрослый человек, несмотря на то, что не умел толком повзрослеть во всем остальном. Наверно это о чем-то говорит. Так серьезно и надежно можно было бы еще любить своих детей, но их не было, ибо на это решиться в то время я еще не был готов. Родителей? Нет, я детдомовский и о своих предках ничего не знал. Кстати, жизнь в детдоме не была детством как тако-

вым. Может быть поэтому, когда я стал взрослым, с некоторым запозданием что-то вроде детства проснулось во мне. По этой причине, наверно, и всплывает во мне иногда эта подростковая черта – быть пофигистом и циником. Странно как-то получается: дети, прячущиеся с папиросой за сараем и смачно плюющие вниз, становятся чуть больше похожими на взрослых, а взрослые, ведущие себя подобным образом (я не обязательно имею ввиду папиросы и умение красиво плевать), становятся более похожими на подростков. В общем, и я что-то вроде такого вот взрослого.

Итак, пример Вали и Лиды никак не насторожил меня и не убавил иронии по отношению к тому свету, хотя о них самих тосковал я некоторое время и даже тайные слезы проливал. Нет, думал я, что бы там ни было, а сам я, скорей всего, бессмертен. Дети, я знаю, так думают. Впрочем, какой же я взрослый, будучи сам бездетным, в тридцать лет? Увы, не получается повзрослеть. Выходит, любил как взрослый человек, а к смерти относился, опять же как ребенок. Тем более, был здоров, и на пути все выглядело гладко. Прекрасное место работы – та самая Экспериментально-производственная лаборатория фракционирования белков. Инженер (слава Богу, не сантехник с первого этажа). Разве задумываются здоровые и успешные люди о том, что их судьбы имеют что-то вроде ног и, даже если ведут нас по светлому пути не торопясь, могут споткнуться даже о самые маленькие предметы. И войн никаких не надо, даже болезней – раз, и ты ока-

зываешься на мраморном столе.

Лично у меня все оборвалось из-за одного мизерного ничтожного микроба – именно одного, а не какой-либо распространяющейся микробной инфекции. У кого-то в роковой момент под ногами оказывается пропасть, бревно, камень, ступенька, хвост крокодила, а у меня, представьте, микробик, наверно даже детеныш, плод нежной любви микроба и микробихи – совсем еще крошка. Однако, я так думаю, все, что случилось, произошло именно из-за этой мелкой неразумной твари.

Глава 2

Так вот, или, если хотите, итак, в тот злополучный день (не от слов ли зло и получка?) я задержался на работе – обмывал с друзьями свой новый кожаный пиджак, о чем я упомянул в самом начале. Время дефицита, так просто в магазине не купишь такую вещь. Я его приобрел по случаю у одного малорослого коллеги, которому пиджачок был длинноват. Жена ему привезла из зарубежья, но, видимо, в ее памяти муж остался таким гигантом вроде меня. А может быть примерила на какого-нибудь верзилу, с которым познакомилась в турпоездке, и который ее, даму без собачки, там, видимо, некоторое время развлекал по-чеховски. В общем, пиджачок не подошел товарищу. А потом с остатками зарплаты в кожаном кармане, с новыми анекдотами в голове и шумом, напоминающем музыку волнующихся и гнущихся в предгрозовую ветреную погоду деревьев и камышей, я, наконец, отправился домой.

Было поздно и безлюдно, пасмурно и прохладно. Только к следующему дню обещали какое-то потепление. А пока стояла обычная, довольно мерзкая сентябрьская осень. До остановки автобуса было далековато, но я, шатаюсь и петляя, наконец, добрался. Автобус все не подходил, и от нечего делать я стал рассматривать свою новую покупку. Ах, как хорошо сочетается пиджачок с джинсами и туфлями на платформе.

В те времена за такое отдавали и не одну зарплату. Да, что значит импортная вещь, – с удовлетворением подумала моя подвыпившая голова. Отойдя в сторону под свет фонаря, я более внимательно осмотрел покупку и вдруг на левом рукаве заметил, не смотря на искусственный свет, микроскопическую светлую точку. Скорее всего – просто пылинка, вздор. Можно было бы не обратить внимания, дать по ней щелчка и вернуться на то место, где обычно нормальные люди поджидают общественный транспорт. Но я, с какого-то дуру, вдруг вспомнил один ничем не примечательный эпизод из детдомовской дошкольной своей жизни и остался стоять под фонарем с открытым ртом и закрытыми глазами в стороне от проезжей части. И вот куда меня занесли роковые воспоминания. Не смотря на будущую нелюбовь к математике, в детдоме я был все же продвинутым малым и откуда-то знал, что существуют так называемые микробы, которые живут на наших ладонях, и поэтому, например, надо мыть руки перед едой. Этим таинством я как-то поделился с одним пациентом из нашего заведения. Он поверил, но когда я сказал, что микробы настолько малы, что без микроскопа их не разглядеть, товарищ мой, чтобы перехватить лидерство, твердо заявил, что он-то, как раз, их видит. Да вот же он, мол, маленький микроб, – показал он мне своим грязным пальцем на какую-то ничтожную пылинку, вроде той, что я разглядел на блестящем рукаве своего нового пиджака. Его не смутило, что микроб не полз, а находился в неподвижном состоя-

нии – спит, мол, трошки устал. А ночью проснется и пойдет на охоту, например, на вирусов. Не голодному же сидеть.

И вот теперь, пока я рассматривал несчастного этого как бы микроба на своем рукаве, пока вспоминал эту дурацкую детскую историю и ухмылялся, даже посмеялся слегка, вдруг неожиданно промчался мимо остановки последний автобус и не остановился, естественно, не заметив меня, стоящего в стороне. С проклятьями я бросился вслед за ним и... А что и? Вот и все, кранты: тотчас я был сбит несущимся в том же направлении автомобилем Запорожец. Меня отбросило в сторону, и я ударился головой о бетонный столб. Последнее, что пронеслось у меня в разбитой голове, это глупый и несмышленный микроб, ползущий по рукаву моего нового кожаного пиджака. Превратилась-таки пылинка в микроба. Сказал бы еще «абыдно, да?», как в последнем в моей жизни анекдоте, услышанном совсем недавно от коллег. Запорожец позорно драпанул от греха подальше. Ну, а я от удара отключился. Через что-то вроде черного туннеля пролетел насквозь и, к своему удивлению, отдал концы. Грамотно сказать – скончался на месте происшествия.

Ну, лежу себе, никому не мешаю. Через некоторое время появился некий подозрительный субъект лет тридцати пяти в серой кепке и в грязной, темного цвета куртке. Сначала он испугался, хотел уйти, но потом взял себя в руки, огляделся и стал, все время оглядываясь по сторонам, шарить по моим карманам. Нашел бумажник, вынул паспорт, сунул его

обратно в карман моего пиджака (похвально) и скрылся. А я остался по понятным причинам. Только перед рассветом меня, лежащего у бетонного столба, заметил другой, с утра подвыпивший мужичок, небольшого роста, судя по всему, грузчик овощного магазина или слесарь-водопроводчик. У него с собой был красный полиэтиленовый мешок с экзотической и слегка загадочной надписью «Инрыбпром». Вынув из мешка две пустые бутылки и рассовав их по карманам, мужик обозначил место трагедии, повесив красный пакет на бетонный столб так, чтобы было заметно с дороги. Да, все-таки честные люди еще живут на этом свете: товарищ этот, не заинтересовавшись содержимым моих карманов, поспешил сообщать о случившемся. Ну, а я остался лежать себе, пока менты, наконец, не подъехали на уазике. Их было двое. Один из них – немолодой старшина с ярко-рыжими пышными усами, был похож на городского из дореволюционного времени, какими их рисуют художники для книг с чеховскими, например, рассказами. Над правой его бровью был чуть грубоватый шрам. Мужчинам это не страшно. Женщина, конечно, челочкой прикрыла бы эту неприятность. У второго мента не было никаких следов борьбы. Наверно, не побывал еще в настоящих схватках с бандитами. Впрочем, шрамы появляются и в результате обычных травм, например, по пьяни. Попинали маленько милиционеры меня ногами, думали, может пьяный, ан нет – мертвый. Они тоже, конечно, карманы обшарили, но ничего, кроме паспорта, не нашли. Вскоре «ско-

рая» подъехала (простите за каламбур). Эти только взглянули на меня, и даже пульс не стали проверять. Все уже было и так понятно. Чуть позже притормозила буханка с инспектором, фотографом и судебным медэкспортом. То есть, простите, экспертом. Экспорт, импорт, инрыбпром – язык сломаешь. Может быть убийство с целью ограбления подозревали? Долго и нудно члены этой компании все осматривали, что-то искали вокруг, даже фотографировали, какие-то протоколы заполняли, любопытных собачников отгоняли, с кем-то по рации переговаривались, а потом, наконец, переложили на носилки, накрыли несвежей простыней и загрузили в машину. Завели мотор и помчались по дороге вдоль лесопарка. Простыня сползла с моей раненой головы. Сильно трясло на ухабах плохо заасфальтированных дорог. Погода, однако, радовала. Вчера, в последний день моей жизни, увы, такого не было. Раннее сентябрьское солнце, украшавшее вид из окна кабины, уже освещало желтеющую листву, и она превращалась в золото. А мелькавшие шевелюры некоторые иных деревьев были красноватыми, с яркими, словно не живыми листьями, будто каким-то веселым мастером изготовленными из тонких пластинок меди. Все говорило о том, что наступает бабье лето и побалует еще несколько дней жителей города мягким теплом. Ну, будем надеяться.

Машина несла нас в центр города прямо в судебно-медицинский морг – небольшое двухэтажное здание старинной постройки при медицинском институте. Меня внесли в про-

сторное светлое помещение, где на нескольких столах лежали уже вскрытые трупы. Это были в основном люди среднего возраста и пожилые. К счастью, у окна только что освободился столик. Мне повезло, а ведь некоторым несчастливцам пришлось довольствоваться местом на полу. Они по-братски и несколько хаотично покоились чуть ли не друг на друге. Раньше такие заведения назывались Анатомическими Театрами. А мы, значит, члены труппы. Играем спектакль по пьесе Толстого «Живой труп». Вначале обо мне забыли, с каким-то другим актером разбирались. Потом некоторое время было вообще тихо и спокойно, режиссеры ушли. Понятно – стенные часы показывали время обеда. Окна, закрашенные наполовину белой краской, были расположены довольно высоко, и кроме ясного неба и шелестящей у окна веточки неопределенного дерева, ничто не развлекало. Но вот вдруг появилось что-то в небесной синеве. Йес, пролетела-таки мимо стая журавлей. Печальный символический знак. Надо же... И вы думаете, что в этом строю не было малого промежутка? Ошибаетесь – был, а то как же без промежутков-то. Клин, словно наконечник стрелы, указывал на юг. Ага, значит, север там – в противоположной стороне.

Наконец, послышался шум, вошла группа студентов с преподавателем и двое мужчин – врач и санитар. Врач как врач – очкарик в *белом* халате лет сорока, а вот санитар выглядел жутковато – какой-то нелюдь, глаза мутные, лицо, будто оспой переболел – шрамами обсыпано, грубое, мятое,

дикое какое-то. Мрачный, молчаливый тип, явный некрофил. Наверно с живыми людьми почти никакого контакта, лишь тут ему и дом, и уют. Пойдет ли на такую должность нормальный человек? Только такие вот... Но работник бесценный, и врач делал вид, что все нормально. Попробуй, найди замену.

Мужчины надели халаты и фартуки, стали что-то писать, делать измерения. Преподаватель в стороне разъяснял студентам, что происходит. Меня раздели, вскрыли. Сначала грудную и брюшную полости. Санитар грубо, но профессионально, выдрал все внутренности, начиная от языка и кончая прямой кишкой. Весь этот органокомплекс, как выразился преподаватель мединститута, уложили на специальную ванночку, вроде той, в которой проявляют фотокарточки, только большего размера. Скальпировали, будто индейца вражьего племени, распилили череп и извлекли мозг. В общем, делали множество неприятных вещей. Но что я могу сделать, ведь я же труп. Сами понимаете, какие там права у мертвых. Повозившись с моими внутренностями, доктор-патологоанатом снял резиновые перчатки и сел за стол, чтобы записать результаты своих обследований. А санитар, который работал без перчаток (честно, не вру!), вложил в меня все внутренности обратно, причем побросал туда же использованные грязные тряпки. Некому у них, видимо, выбросить мусор. Господи, неужели врач с этим типом за руку здоровается!?

Наконец-то зашили. Грубо, конечно. Женщина бы постаралась, а эти. Ну, а потом что? То да се, помыли худо-бедно, привели в божеский вид, перенесли меня в другое помещение, где я и остался на ночь. Утром пришла Люба. На ней было черное пальто и, кажется, черные туфли. Черный платок прикрывал лоб. Глаза сильно влажные, красноватые. Увидев мое, слегка обезображенное смертью лицо, она всхлипнула и поднесла к своему мокрому испуганному и напряженному лицу белый платочек. Потом вовсе зарыдала и зашаталась на месте. Только бы не упала. Какие-то люди из персонала увели ее, успокаивая на ходу. Ну, не буду я всю эту дребедень описывать по мелочам. Все было, как обычно. Принесли костюм, рубашку и темно-синий галстук, одели, побрили. Кстати, куда делся кожаный пиджак — я так и не понял. Грешу на ментов. Переложили в гроб, новенький (ну да, не старенький же), пахнувший свежей масляной краской, перенесли в траурный зал. Потом приходили прощаться родственники, знакомые и товарищи по работе. Приезжал сам Пискарев. Надо же! Во второй половине дня прибыло два автобуса. В первый погрузили меня, туда же влезли близкие, Люба и ее родственники. У меня-сироты, естественно родственников не было. А жаль. Остальные отправились провожать меня в последний мой путь по земле на другом автобусе. Вокруг меня все молчали, только шмыгали носами. Костя, племянник жены, всю дорогу просто ковырял в носу, но это не было какой-либо психофизиологической реакцией, просто дурная детская

привычка. А Лопухов, мой сосед по лестничной площадке, мельком взглянул на мою Любу и вдруг незаметно улыбнулся. Странно и подозрительно. И вообще, зачем он приперся? Сел в наш автобус, будто родственник. Не иначе, клеиться будет...

Подъехали к кладбищу. Пискарев даже речь подготовил. Надо же! Впрочем, вряд ли сам сочинял текст – читал-то по бумажке. Выступали коллеги. Все хвалили, никто не ругал. Хотя было за что. Я ведь всю зарплату не решился за кожаный пиджак выложить, надо было кое-что и домой принести, чтобы Люба не обиделась. Поэтому и на такси не захотел потратиться, автобусом решил добираться. Да и вообще дорогая вещь, импортная, одной зарплатой не хватило бы. В общем, задолжал я товарищам кой каким. Ну, уж теперь извиняйте, други моя. Тем более деньги – тютю. Что там дальше? Трогательное прощанье. Крышку задвинули, заколотили. Темнотища, как в хижине дяди Тома. Ящик опустили в яму и застучали комья земли по крышке, становясь все глуше и глуше. Стихли и рыдания Любы, а затем и вовсе исчезли. Остался только мрак, и никакого разнообразия. Скучища жуткая. Перевернуться что ли, как Гоголь? Черт, откуда я это взял? Ну, ладно. Через два-три дня мое тело посетили сапрофиты, и началось Великое Гниение. Но это уже другая история, которая заинтересует более ученого, чем простого советского читателя.

Я готов был бы на этом этапе поставить точку и плюнуть

на все, но внезапно почувствовал, что весь этот биологический процесс не имеет ко мне решительно никакого отношения. Меня, лениво верующего циника, это удивило. Кажется, таки появились признаки некого иного продолжения, подтвердились мои слабые подозрения. Правда, до этой полной уверенности все еще присутствовали сомнения. Вроде умер, вроде нет. Что ж это со мной такое происходит? Все более укреплялось осознание и ощущение того, что нечто во мне перестало быть привязанным к материи, но пока никуда не уходит и стиснуто в замкнутом пространстве границами тела, словно огуречный рассол в трехлитровой банке. Но я все же чувствовал это разделение: банка – это банка, а рассол – рассол. Рассол не может стать одним целым с банкой, хоть и повторяет ее форму и проверить это легко с помощью молотка или похожего предмета, желательно металлического, или просто грохнуть об асфальт или покрытый керамической плиткой пол.

Но вот оно, это нечто, то есть то, чем я как бы думал и анализировал, стало расширяться и выливаться наружу, в пустоту или в космос что ли, который вдруг образовался вокруг. Теперь уже произошло некое движение и окончательный разрыв – отделение рассола от банки. Однако, не было ощущения, что вся эта жидкость, как сбегавшее молоко или ртуть, вот-вот прольется куда-то, ну, например, на дно ящика, и привычно пропадет в щелях и далее в порах земной почвы. А будто зависла она неразделимой огромной каплей,

как вода в невесомости. На космических кораблях, когда показывают будни космонавтов на орбите, а они, шутники известные, чем-то хотят зрителей удивить на камеру. Гагарин вон перед полетом (этого, правда, по телевизору не показывали) на колесо львовского автобуса помочился, и теперь у них, у космонавтов, традиция такая осталась (насчет Терешковой не знаю), ну и эти, прочие шутки, особенно в невесомости. Так вот: типичная их развлекуха – показать на камеру именно это – как вода вываливается медленно из сосудов и остается висеть в невесомом пространстве огромной каплей. Формы такого сгустка постоянно меняются, но молекулы H_2O не отпускают друг друга, не сразу разбегаются, не падают вниз, словно водопад. Такую воду налету можно втянуть в себя и проглотить. (Вообще-то я посоветовал бы им в космос сантехников брать – наших, например, мало ли что). Однако я отвлекся, хватит про воду, рассол и космонавтов. Тут о другом речь идет.

Итак, я ведь уже давно потерял ощущение привычной физической тяжести, чувства голода, холода или тепла и прочих физических и физиологических процессов, привычных до боли. Это – само собой. Нет уже, как говорится, страха и упрека, как у Дзержинского. А теперь вот все сдвинулось с места, появилось ощущение полета, будто моя душа стала такой, как та самая огромная капля в невесомости, постоянно меняющая свою форму. Лечу, лечу, медленно и мягко, кайфую и не понимаю куда, в какую сторону, вверх или

вниз, вперед или назад и, главное, зачем. Приятно, легко, комфортно, уютно. Хотелось бы вечно пребывать в этом состоянии. Вижу (не глазами, чем-то иным) темно-синюю светящуюся сферу над собой, не знаю, небо ли это, ибо звезд и более крупных светил не наблюдаю. Что там подо мной – огни города или черная пустота – не понимаю, нет возможности развернуться на 180 градусов. А может наоборот – все невидимое надо мной. Вот и время как будто остановилось. Где ты, где ты, тело мое, сбитое Запорожцем и истерзанное некрофилом – ценным работником морга? Не пойму. Но прощай, на всякий случай, прощай. Третий ли уже день, девятый или сороковой? А может пятый или тысяча девятьсот восьмидесятый? А, плевать, мне уже все равно. Могу ли я вечно пребывать в этом малиннике, размышляю? Почему бы нет. Здорово же.

Остатки моего разума, лишённые материи, однако, догадались, что все не так примитивно заканчивается, мол, кукиш с маслом, размечтался ты, брат. Не вечно же тебе так лениво кайф ловить. Ради чего ты на земле мучился? Чтобы только так вот плавать в пустоте бесконечно долго? Действительно, земная наша логика не потеряла и здесь своего значения. Скорость моего полета, как мне показалось, в какой-то момент стала изменяться. Ну, все, поехали, – пронеслась в моей аморфной голове гагаринская фраза, когда резко возросла скорость движения. И тогда я взмахнул рукой, как он сам – герой пахмутовского песенного шедевра. Наверно,

и рука была уже не рука, а какая-то астральная псевдоподия. Действительно, тронулись и полетели, и все быстрее и быстрее. Опять было непонятно, сколько этот полет продолжался. А когда он вдруг неожиданно прервался, я успел съехидничать про себя – а вот и приехали, здравствуйте, девочки. В этот самый момент возникло ощущение, что вся эта моя, оставившая тело, субстанция влилась снова в какой-то сосуд и обрела знакомую форму «ручки-ножки-огуречик» и т. п. (Вот для чего я огуречный рассол давеча припомнил?). Тотчас мне показалось, что я крепко и сладко засыпаю, ничего не успев разглядеть вокруг себя, даже света или тьмы.

Глава 3

Утром, если это было утро, я по привычке сладко потянулся, и только потом открыл глаза. То, что я увидел, почему-то не сильно удивило, хотя было чему удивляться. Прежде всего – я сам. Да, я был самым собой, но только каким-то нематериальным. Нет, не из дыма или облака сотканный, не какая-нибудь там голограмма, а процентов на пятьдесят привычный материальный субъект с его ощущениями. Однако чувствовал я в себе только все хорошее – здоровье, легкость, силу, прекрасное настроение, какие-то неясные способности, готовые вырваться наружу. В то же время все это не было материей, а, как я сразу стал подозревать, лишь ощущением материальности. Это, примерно, как больной, которому оттапали на операции ногу, чувствует ее вполне реально очень длительное время. А если нога до ампутации болела, то и боль он чувствует. Но у меня-то как раз никаких фантомных болей не было. Как раз наоборот. Кроме того, я еще и видел все то, чего нет на самом деле, то есть свое фантомное тело. В общем, всем глюкам глюки. Я тотчас оценил преимущества этого состояния и вспомнил почему-то себя в тяжелом похмелье, а было это не так давно, когда тошнило, болела голова и все тело, трясло, а опохмелиться было нечем. Потом вспомнилось что-то еще – усталость, холод, чрезмерная жара, чувство голода, ушибы. И я понял, что этого больше

не будет. Ну что ж, замечательно.

Я лежал на огромной мягкой кровати с белоснежным бельем, сотканным то ли из нежнейшего пуха, то ли вообще из облака. В просторной комнате было светло, что-то красивое и яркое прорисовывалось в небольшом окошке. Мебель была непонятно какая – обыкновенная, в основном старая, антикварная, но не сказал бы, что прямо уж музейная. Поодаль стоял небольшой письменный стол, тоже старенький, дореволюционный, за которым сидел мужчина неопределенного возраста. Он был одет в длинную, ниже колена, белую сорочку. И на меня, кстати, кто-то напялил такую же. На ногах его были спортивные носки с двумя-тремя красными полосками по верхнему краю и сандалии, как у греческих философов. Впрочем, в античные времена многие ходили в сандалиях, не только умные люди, размышляющие о мироздании. У этого носки как-то не сочетались с сандалиями, уж лучше бы напялил кроссовки или кеды, а лучше на босую ногу. Он сидел на табуретке домашней ручной работы, и сзади у него болтались два больших крыла, будто снятые с лебедя. Непонятно, были ли проделаны в сорочке дырки для крыльев, или крылья были прикреплены прямо к ткани. На столе лежала толстая раскрытая книга, типа амбарной, и человек (?) что-то старательно в нее записывал, скрепя белым гусиным (?) пером. Чернила на кончике пера быстро кончались, поэтому ему приходилось пользоваться чернильницей каждые несколько секунд. Чтобы не заляпалась белая ткань

рукавов, ниже локтей и до запястий они были защищены так называемыми нарукавниками из синего сатина – именно такими, какими пользовались счетоводы, что изображались в старых советских фильмах. Кстати, счета тоже присутствовали на столе. Писака то и дело возвращал на место указательным пальцем плохонькие очки, которые сползали с переносицы в сторону кончика носа, как санки с горки. Субъект был скорее светловолосым, чем рыжим, чуть лысоватым. Оставшиеся волосы торчали в стороны, как пакля – не были толком причесаны. Чем-то тип этот походил на доктора Айболита, не смотря на отсутствие бороденки. Однако, я сразу понял, что врач мне не понадобится – уж больно здоровым я себя спозаранку почувствовал. Еще отметил я про себя отсутствие привычных позывов со стороны мочевого пузыря – с утра-то. Ну, и это... Никакого излишнего напряжения внизу. Короче, мне показалось, что в этом мире отпадает потребность не только в туалет ходить, но и вся эта мочеполовая система присутствует лишь с целью поддержания привычного мужского фенотипа. Это как у скульпторов. Можно было бы, например, Давида сообразить без этих всяких мелочей, из-за которых гимназистки становятся румяными без крещенских морозов, которых во Флоренции отродясь не бывало. На хрен они, эти телесные предметы физиологии, статуям нужны? Ан нет, не положено. Классицизм. А нынче – да, и кубом изобразить тебя могут, и цилиндром, и черным квадратом. И я на секунду представил себя чем-то вро-

де ящика из-под телевизора. Не хотелось бы быть таким вот на том, то есть теперь уже на этом свете.

– Дяденька, – позвал я тихонько, – я проснулся.

– А, извиняюсь, я и не заметил, – ответил тот суетливо. – Ну вот и хорошо. Сейчас, сейчас. Точку вот поставлю. Тьфу ты, черт. Опять клякса. Ну ладно уж...

– Да вы не торопитесь из-за меня-то...

– Нет, все, все. Хватит кляксы ставить, – сказал дядя, положил перо в стаканчик мраморного чернильного прибора, в центре которого красовался бронзовый амурчик, снял очки и нарукавники. – Ну-с, я вас внимательно слушаю, – повернулся он ко мне.

– А что я должен сказать? – удивился я вопросу. – Ведь я даже не понимаю, где нахожусь.

– Как это не понимаете? Ну, вы даете, – в свою очередь удивился плешивый дядя. – Вы что, ничего не заметили?

– А что я должен был заметить? – спрашиваю.

– Как что? Смерть... Вашу смерть.

– Ах, это... – протянул я. – Это да, это было, не стану отрицать.

– Ну, так вот. Поэтому я и жду ваших вопросов, что и как, где я и почему, и тому подобное. То есть не я, а вы. Кстати, чего тянуть, может быть будем на ты? Меня Анатолий зовут.

– Александр, – представился я.

– Это мне известно, тем более я...

– Что, простите., прости?

– Видишь ли, Шура, верь или не верь, но я твой ангел-хранитель. Вот, как говорится, и встретились.

– Ого, да неужели? Вот тебе раз, – раскрыл я широко свои фантомные глаза. – Так это выходит ты вмешался, когда на меня, двухлетнего ребенка, рухнули старые ворота нашего детдома? Все вокруг удивлялись, ведь накрыло меня аккурат той дырой, что была в середине ворот. И ни одной царапинки. Помню, все шептали: ангел-хранитель ребенка спас. Говорят, в моем бывшем детдоме эту историю до сих пор рассказывают.

– Ну, да, было дело, наша работа, – с гордостью припомнил этот удивительный эпизод Анатолий.

– Да ведь и потом много было чего подобного. Вот помню даже не так уж давно, вышел из гастронома – прошлой весной это было, в марте – и встал на углу, жду приятеля, и тут какой-то тип подошел, говорит: «Товарищи, расходитесь, готовится провокация». Я не хотел, но все ж отошел на всякий случай, и тотчас в это самое место огромная сосулька рухнула с крыши.

– И это тоже...

– Да ведь всего не вспомнишь, таких ситуаций было – ой- ой- ой. А я все дивился. Слушай, Толя, а чего ж ты меня в этот-то раз... Запорожцу дал сбить?

– Ну, видишь ли, Шурик, бывают сбои и пробелы. Или другие причины и обстоятельства. Ну, а мы ведь тоже не боги, – печально возразил Толя, покраснев и отведя взгляд.

– Вот тебе на! А я-то думал, что на том, то есть на этом теперь уж свете все, как в швейцарских часах.

– Бес, видишь ли, как бы, вмешивается. Стоит только отвернуться, а он, проклятый, тут как тут. Конкурирующая фирма, короче. Или просто – судьба. Может это для тебя лучше так-то вот... И вообще, мы ведь, Сашенька, в основном за детьми тщательно посматриваем, мало ли что. С ними легче. Птичку какую-нибудь пошлешь ему несмысленышу, он и потянется за ней, свернет с опасного пути. И то не всегда выходит, сам знаешь. А уж с вашим братом, взрослым, полные кранты, разве уследишь. Будет ли такой дылда, типа тебя, на птичек и бабочек обращать внимание или прислушиваться к неожиданным порывам ветра и шелесту деревьев? Так, иногда мозги вставляешь на место каким-нибудь более примитивным образом – гляди, мол, идиот, куда ты ввязываешься. Но ведь не 24 часа в сутки дежурить с каждым вашим братом, как сиделка. У нас ведь тут тоже свои дела.

– Ну да, понимаю... – согласился я с некоторым оттенком недоверия в голосе.

Впрочем, твое появление здесь может к чертям никакого отношения и не имеет. Но об этом как-нибудь. И вообще черти, бесы – это так, образно. Это я материальный ваш мир имею ввиду и его дурацкие физические законы. Да ты не обижайся, тут ведь тоже жить можно, не так уж все плохо. Забудешь свою прошлую жизнь в развитом социализме, как страшный сон.

– Ну, посмотрим, – все еще недоверчиво соглашаюсь.

– Пошли, покурим, у меня американские, – предложил Толя.

– Пошли, – говорю.

Глава 4

Мы вышли из домика через дверь, которую я поначалу не заметил. Дверь как дверь, обшарпана даже и со скрипом. Ржавый крючок болтается на ней без дела. Выйдя, мы попали сразу на улицу. Никаких коридоров-сеней не было, но зато нас приняло приятное крытое крылечко с двумя лавочками – друг напротив друга. Кстати, то, что я прошел несколько метров босиком, удивило меня хоть и немного знакомыми, но редкими в той жизни приятными ощущениями. Обычно лучшее, что испытываешь, освободившись от постылой обуви, это теплый деревянный пол, на который встают усталые ноги, или мягкий ковер, или нежный песчаный берег моря с омывающими ступни прохладными волнами – что-то из этой оперы. Особенно сильное наслаждение от ходьбы босиком испытываешь после длительного пребывания и хождения в плохой и тесной отечественной обуви. Вот только это приятное, именно это, я и почувствовал сейчас, но ни в каком случае ни холода, ни мозольных или каких-либо суставных болей или давления острых и неровных поверхностей, а также неприятного ощущения от соприкосновения стоп с заплеванным полом и т. п. И так во всем остальном, с чем я соприкасался здесь. Не буду уж каждую приятную мелочь анализировать и сравнивать с чем-то плохим. Будто взял с собой в этот мир все хорошее, а оставил плохое. Ведь и там,

на Земле (если сейчас я на небе), когда кто-то меняет страну, континент, уезжает далеко и надолго, навсегда, то берет с собой только самое лучшее, а ненужное или плохое оставляет. Впрочем, все не совсем так. Почему-то здесь в раю я встречаю крючок ржавый, скрипящую дверь, а не какие-то идеальные, новенькие вещи? Нет, и тут все можно объяснить. Да потому что, видимо, это взято сюда откуда-то из счастливого детства Толи, и это дорогие вещи, – догадался я.

Сам домик Толика снаружи тоже оказался симпатичной избушкой, вовсе не дворец, а чудный теремок, беленький, мазанный известкой, с темными дубовыми перекладинами на стенах, и с красной черепичной крышей, как в старых европейских городах, какие я видел на картинках. Вид с этого места был мало сказать потрясающим: он был волшебным и сказочным. Красота эта ударила по пустой моей голове. Какой же это был дивный средневековый сельский пейзаж – рощи, холмы, тропинки, луга с фигурками пасущихся коров и овец, стога сена и прочие картинные украшения. Прямо у дома по обе стороны крыльца вызывал умиление чудный палисадник с георгинами и розами. Виноградной лозой была ови-та еле заметная ограда. Висящие грозди винограда блестели от солнца, будто стеклянные. Было много и других знакомых и редких, даже тропических растений – непривычное соседство северной и южной домашней флоры. Некая запущенность сада была настолько естественной и уютной, что мысль о садовнике, казалась абсурдной и нелепой. Все вокруг было

будто подкрашено и дополнительно освещено необычно ярким и теплым светом, линии каждого предмета словно подкорректированы талантливым художником, а ненужные детали и штрихи отсутствовали. Солнце, впрочем, светило, как обычно, а небо было безоблачным, только с необычно яркой синевой. Ни жарко, ни прохладно, а как-то хорошо, чудно, комфортно. Кстати, на солнце можно было смотреть, не мигая – глазам хоть бы что. Мимо домика проходила ровная белая дорога. Она была утрамбована, со следами колес телег и лошадиных подков, но только не покрышек автомобилей. В стороне тихо несла свои темные воды небольшая речушка с песчаными обвислыми берегами. Неподалеку прачка полоскала белье, а на другом берегу рыбачил крестьянин. Чуть дальше срослась с течением реки старая водяная мельница. Спокойно крутилось ее колесо от тихого вечного движения речных вод в сторону какого-нибудь райского моря. Вдали маячили холмы и, по ним бродили олени, паслись овечьи стада и, кажется, вырисовывались развалины какого-то средневекового замка. Все было как на ладони: ветряные мельницы, каменные избы и развалины замков, телеги, лошади, кибитки, жнецы, работающие в поле, пастухи и пастушки. Вид сей очаровывал. Круче, чем старинная голландская живопись.

Наши художники тоже так иногда талантливо искажают обычные, даже скучные советские, пейзажи, чуть изменяя формы, освещая по-утреннему розовым светом или наобо-

рот вечерним загадочным, добавляя еле заметные штрихи, взятые из своей фантазии или украденные у тех же гениальных голландцев, фламандцев и прочих европейцев-живописцев прошлых столетий. Впрочем, и те тоже, видимо, привирали, приукрашивали действительность. Вряд ли все в их природе и окружающем мире было столь совершенно, как на музейных полотнах. Но здесь, в этом пространстве, где я оказался, достигнутый ими венец творчества обрел право на подлинность. И ничто не мешало расплываться где-то внутри меня нахлынувшему странному внеземному впечатлению. На такие, цепляющие внутренности, ощущения в том мире способен разве что впечатлительный ребенок, душа которого свободна для восприятия всяческой новизны, и то далеко не каждый. То, что в оставленном по ту сторону мире с помощью таланта и воображения могло бы обрести жизнь лишь на холсте, на страницах книги или в нотах, здесь ожило и стало реальностью. У самых талантливых мастеров искусства наверняка иногда вдруг возникает возможность найти щель в заборе, отделяющем обе реальности, мельком увидеть что-то из того, что представляет этот иной, лучший мир и перенести запечатленную картину в свои творения. Но они не догадываются, что по какому-то закону вселенного круговорота та запредельная часть мира, ими самими и придумана, ибо соткана из всего самого лучшего, что художники и мечтатели сами наворошили в своих фантазиях, а затем описали, напели, нарисовали. Сама же наша материальная

действительность как была, так и оставалась карикатурой на эти шедевры. Но зато они, художники, музыканты, поэты и сказочники эти, своим искусством все же подтверждали наши смутные догадки о том, что есть же, черт возьми, где-то эта блаженная первозданная гармония и совершенство. Впрочем, и не только талантом одаренные люди, но и простые смертные, не умея держать кистей и мольбертов, создавали на каком-то подсознательном уровне внутри себя модель рая, в который кто-то откровенно верил, а кто-то не понимал, что верит, просто мечтал и фантазировал.

Мы уселись друг перед другом на крылечке. Толя достал из кармана своего балахона пачку иностранных сигарет Мальборо и спички. Молча закурили. Я стал анализировать свои ощущения, ибо не совсем понимал, зачем мы в таком месте хреню этой занимаемся. Я и там-то баловался сигаретами только за компанию, чтобы анекдоты послушать в перерывах рабочих будней, и то – редко. Чувства были не совсем понятные, но потрясающие. Все, как с хождением босыми ногами. Скорее всего, из того мира сюда попадает ритуал и какие-то самые лакомые и смачные из всех приятных осязаний, которые испытываются от сигарет, возможно всего лишь несколько раз за всю жизнь, да и то в виде слабого, нынешнего райского, подобия. Самое негативное или связанное с наличием материи, теперь напрочь отсутствовало – все эти физические ощущения внутри, в бронхах, от дыма и никотина, порча зубов, чувство зависимости, ощущение болез-

ненности, даже вины и страха за последствия для здоровья. Оставалась лишь остальная суть – распространение внутри покоя, эстетика ритуала, поза, движение и положение рук, пальцев, держащих сигарету, игра губ, плавный полет колец дыма, постепенное исчезновение напряжения между тобой и собеседником. В общем, такая вот философская волна снова пронеслась по полушариям моего антиматериального мозга под впечатлением испытанного.

– Какие места, однако, – сказал я вслух, присвистнув. – Фантастика.

– И не говори. Не то слово, – согласился с гордостью Толя, и сплюнул под ноги оторвавшийся кусочек фильтра сигареты.

– Признайся, сам придумал пейзажик, я правильно понял? – спросил я.

– Ну а кто же еще? Конечно, мое произведение. А ты молоток, ход мыслей правильный. И что, действительно сам догадался? – с некоторым сомнением похвалил Толя.

– Нет, блин, не сам – в твоём некрологе вычитал. Конечно сам. Вот, поразмышлял буквально только что, земная логика подсказала.

В общем, да, ты прав, землянин. Намечтал я все это – вот в чем дело. Видишь ли, господу Богу и это тоже нужно от нас – не только любовь в чистом виде, но и мечты наши о хорошем ему очень угодны, и впечатленья, и творенья, и даже радость от вкуса малинового варенья. Все эти стрем-

ления к прекрасному, приятные воспоминания о каких-то хороших временах и местах, их идеализирование с годами, ну и, естественно, наши душевные переживания, возникающие от соприкосновения с произведениями искусства – музыка, поэзия, живопись. Ну, ты знаешь, все ведь не так просто. К сожалению, без контраста, без окружающей красоты грязи, без постоянной борьбы, тяжести бытия, несправедливости и боли никто бы не научился мечтать о чем-то высоком и получать впечатления, сохранять воспоминания о них всю свою жизнь? Хотя земная природа и есть сама красота, но вот, видишь, она была там лишь небрежным карандашным наброском будущей картины – той, что создатель смутно представлял, подразумевал, выстраивая рай с нашей помощью. То есть в этом ему помогал сам человек, для того и заброшенный в тот противоречивый материальный мир – в эту адскую смесь любви и ненависти, горя и радости, уродства и красоты. Ну и т. д. И правильно говорят, что рукописи не горят. Да, бывает, книга сгорела, картину бульдозер переехал, человек что-то придумал в голове прекрасное, но не успел рассказать кому-нибудь и помер. Ан нет. Все его гениальные идеи, фантазии, впечатления, оказывается, не пропадают. Они здесь. Из них-то рай и скроен. Причем рай бесконечно многообразен. Сколько померло и сюда попало душ, столько и вариантов рая.

– Подожди, философ, но ведь рай придуман раньше, еще до человека.

Ну, это тебе, привязанному ко времени, так кажется. Считай, что люди придумали рай задним числом. Привыкай, здесь время условно. Им пользуются новички вроде нас с тобой по привычке как не имеющим смыслового значения междометием. Для тебя оно как бы существует и поныне. Я и сам пока хочу, чтобы было и утро, и день. Вечер, ночь. Хочется. Лето и зима. Иной раз и снегу с морозом хочется. И что б часы на руке были, время показывали и тикали. У меня тоже есть. Вот... А, нет, они там дома остались, в тумбочке. Тут вообще многими вещами пользуются по привычке, – кивнул Толя куда-то в перспективу. – А на самом деле его – времени – за известным забором, то есть здесь и дальше, уже не существует. Время – это такой медленный магнит, который тянет все живое к смерти, и нет таких материальных законов, которые позволили бы выйти из этого магнитного поля. А после смерти, как известно, смерти нет. Так на хрена оно, время, нужно на том свете, то есть здесь у нас? Это там – да, без него никак. То, что мы создаем своими фантазиями в материальном мире, что происходит вроде бы в определенном периоде времени и истории, в остальном вселенном мире отражается и распределяется по другим законам, которых не касаются стрелки будильников и зубцы колесиков часовых механизмов. Кстати, сколько там на твоих швейцарских?

– Забыл в морге, а может кто-нибудь э-э-э... украл.

– Ничего, мы тебе здесь новые купим. Ну, как первые впе-

чатления?

– Да, сложно будет все это переварить без водки или психиатра, но деваться не куда.

– А чего тебе мозги напрягать? Радуйся пока. Хотя халява эта не вечная, но очень и очень надолго... То есть, пока у тебя не появится потребность идти выше. Правда, есть еще одна альтернатива... Ладно, об этом как-нибудь потом.

– Так, значит, если ты сам придумал такую вот красоту, то, наверно, художником был – там в своей земной жизни? Ведь не здесь же ты родился, я правильно понял?

Ну, я, – замялся Толя и чуть покраснел, – я человеком простым был. Не какой-нибудь там художник или поэт, а так. Но у меня, Шура, в детстве ковер на стене возле колыбели висел – старинный, гобеленовый с каким-то дивным средневековым пейзажем и на другой стене – два огромных полотна художников 18 века, тоже пасторальных с овечками, мельницами, пастушками, и развалинами замков на зеленых, покрытых оливковыми рощами холмах и прочей рококо-хренью. Я все смотрел и смотрел на эти картины, и мечтал попасть туда, в этот идеальный, спокойный, добрый и сказочный мир. Особенно ковер мне был дорог. И книжки были дома старинные с какими-то похожими иллюстрациями. Увы, уже назревал весь этот хаос и водоворот, пропало детство, пропали ковер и картины с книжками. Но я всю жизнь держал внутри себя этот сотканный из нитей пейзаж странный. Когда было очень плохо, меня грели эти воспоминания, и я

выздоровливал. И вот он живой теперь тут, рядом со мной. Вернее, я в нем. И ощущения эти чудные воскресли и не покидают меня, не притупляются, веришь или нет.

– Ну, что ж, поздравляю с обретением своего собственного, отдельно взятого райского уголка. Ну и снимаю шляпу перед автором этого шедевра. Можно сказать, вернулся домой, на круги своя. Только объясни, со мной-то что теперь будет? Где мой такой же вот райский островок? И какой он? У меня ведь нет в душе впечатлений от подобных гобеленовых картинок с пастушками.

– Да подожди ты, Сашок. Куда ж ты торопишься? С вами, детдомовскими, вообще непросто найти свой райский сад. Что у тебя хорошего в детстве было? Из каких тут стройматериалов строиться? На данный момент тебе адаптироваться надобно. Поживешь пока у меня. Порыбачим. Раков половим. Пиво есть. На лошадях покатаемся. Продолжай спать пока на моей постели. А я во флигеле... Или наоборот. Чего морщишься? Не бойся и не брезгуй. Вся прелесть в том, что грязи у нас никакой, так что даже белье постельное не надо менять. Гигиена, как в Скандинавии. То есть гораздо лучше. Я вон трусы даже не меняю – нету надобности. Носки не воняют. Ну, а потом поглядишь, что у других наворочено, заглянем в райские уголки некоторых товарищей, кто чего наворотил-намечтал, и может быть что-нибудь сварит и твоя репа, лишенная материальной структуры.

– В том-то и дело – духовного маловато захватил с собой,

а материя, которой было гораздо больше, тут, как я понял, не нужна, и, слава богу, она там осталась. Кстати, о Боге... Что-то все-таки не так. Объясни мне. Не этого я ожидал от смерти. Думал, или все, темнота, или Бог, Иисус Христос у врат встречает, розовое сияние. Так где же все это, кстати? И вообще, насколько я знаю, хоть и не силен был в религии.

Вот, именно, именно. В церковь-то, вспомни, часто ли ходил? То-то же. Понимаю, советское время. Поэтому и грехов, как шелухи от подсолнуха. Размечтался, к Богу захотел. Благодарю его, что снова родиться не пришлось в какой-нибудь дыре. А туда, выше, где Бог, – ткнул Толя указательным пальцем в небо, – дорога еще ой как далека, покамест придется у нас дозревать и немало времени. А учитывая, что времени тут нет, то понимай, как хочешь. Зеленый овощ ты еще, брат, как три советских рубля. Неужели ты думаешь, что после земного того дерьма, ты чист, в белом фраке и готов идти прямо к Богу. Ха. Поживи-ка здесь, успокойся, разберись в себе и начни понемногу созреть. Впрочем, я и сам тут кантуюсь по тем же причинам уже непонятно сколько. У меня вообще в той жизни все было даже несколько хуже, чем у тебя. Да, было детство, светлое, чудное. Ну а потом... Долго рассказывать. Не в ту степь пошло, короче. Я, Сашок, с бандитами даже общался, шалил, бывало, и даже разбойничал в некотором смысле, но, к счастью, не по-крупному. А потом вовремя вместо бандитской карьеры на политическую перешел, поневоле, правда – в уборной газету с порт-

ретом Сталина на ржавый гвоздь нацепил, что б подтираться. Настучали соседи по коммуналке. Так вот... Но, слава богу, благодаря этому здесь вот нахожусь, а то мог бы там родиться заново и получить судьбу новую печальную на целую новую жизнь.

– А в каких годах ты того., коньки отбросил?

– В смысле ласты склеил? Так, как положено – в тридцать седьмом... Расстреляли.

– И тебя за одно дело пожурили, за другое пожалели и в результате ко мне в ангелы-хранители определили? Типа условное наказание.

Ну, вроде того. Повинность, как бы. Хотя не так все примитивно. Нам всех критериев не понять – что и как, кого и за что. Так что здесь вот в предбаннике пока обитаю, название которому рай. Но, я тебе скажу, туда, дальше и выше, даже монахи и священники прямиком не попадают. А потому, что все грешны, все убийцы и воры... Только одни это совершили в натуре, а другие ничего вроде такого не сделали в своей жизни, но все равно, и они убили бы или своровали бы что-нибудь, если бы... Женщина, к примеру, убьет любого поднявшего руку на ее дитя или украдет куриную ногу, ежели чадо от голода начнет пухнуть. А то, что такой ситуации в жизни удалось избежать, от греха не избавляет. Так что, все мы, обычные небезгрешные граждане – не самые законченные сволочи и садисты, сначала, к сожалению, сюда попадаем, на карантин.

– К сожалению... Ой, ой, как досадно. Какое ж тут, Толя, наказание за грехи? – удивляюсь я. – Томиться здесь, среди этой красоты, чистоты и в полном спокойствии, и при приятных ощущениях?

– А представь, там, – Толя снова направил указательный палец в сторону условного неба, – все неизмеримо прекрасней. Там всего этого и нафиг не нужно будет. Сплошной оргазм. А рай – это так, зал ожидания, приемный покой. Переходная ступень высшего существования. Все лучшее впереди. Надейся и жди, – как поется в песне вашего периода развитого социализма. Одним словом – ништяк.

– Минуточку, а как же ад? Где он? Кто туда попадает? Те самые законченные сволочи и садисты?

Неужели ты так и не понял, что земная твоя жизнь – она и есть ад. Ты что, думаешь, что грешников в котлах варят, как раков? Кстати, о раках... Ладно, раки, рыбалка – это потом. Так что – ад. Правда, кому больше, кому меньше. То есть, чистого ада, как его описывают, не бывает, ибо каждому грешнику найдется оправдание в той или иной степени за его проделки. Но ведь сам знаешь, как иные мучаются всю жизнь. А потому как предыдущую жизнь проворовали и всяко вдоволь напраказничали, и вместо того, чтобы, наконец, сюда перебраться на отдых, снова рождаются на земле, но уже в другом коленкоре – мучаются, расплачиваются по полной. А то ведь и опять могут дров наломать. Тогда, изволь, еще третий или десятый раз помучайся или проживи

хотя бы одну обычную честную (в кавычках) жизнь с плюсами и минусами. И вот, думают, вроде как бы и ничего жистянка была, не хуже, чем у других. Однако это там так кажется. Потом, наконец, здесь оказываешься, понимаешь уже, что ничего хорошего и не было, мучение сплошное, за исключением кой каких вещей, в том числе любви, особенно первой, любви к ближним своим и друзьям, приятного общения, увлекательных путешествий, прочий культурный отдых, ну и кому-то радость от творческого процесса, кино, театры, музыка с поэзией – это что твоя любовь. Конечно духовный компонент праздников, застолья, хороший табачок и прочее – из этого тоже какой-то позитивный концентрат выделяется и попадает сюда. Даже какая-нибудь клевая работа, квартира, дача, телки, тачка новенькая в гараже – Ладочка ваша советская, к примеру – это все по логике хоть и должно потерять смысл, но, представь, некоторые из этого умудряются получать стройматериал для построения своего рая. Увидишь еще. Так-то вот оно. Схема эта такая непростая, я и сам иной раз задумываюсь и путаюсь.

– Слушай, насчет первой любви, – начал я несмело. – У меня тут это... Подружки должны быть.

Бабы-то? Вот, вот. Знаем, знаем. Две подружки у него здесь, одна там – жена, то есть. Ну там мелочь всякая – это не в счет, с кем не случилось. А супруга тоже, извини, может под автобус попасть, глядишь и она явится. Будет их три – Валя, Лида, Люба. А нам тут разбирайся, чеши репу, как ему

на том., то есть, тьфу, теперь на этом свете сосуществовать с тремя телками? Вот и Пушкин, влюбчивый наш, когда попал сюда... Ой, что было... Ладно, об этом потом. Ну, неужели некоторым так трудно одну бабенку любить, и никаких тебе любовных треугольников, четырехугольников, пятиугольников на том свете? Впрочем, насчет тебя – претензий особых нет. Твои – они же не одновременно все трое в любовницах или женах у тебя ходили. Но некоторым товарищам здесь это головная боль. Хотя, не скрою, тут ведь не одни только бабы – проблема. Много чего. Возьми хоть спорт. Спортсмен, значит, того... Вот он прыгает или там молот метает, всю жизнь по стадионам. Любимое занятие. Рекорды ставит. Восторг, эйфория. А чем ему здесь заниматься, ежели каждый может прыгать хоть с одного облака на другое, а захочет – с планеты на другую перепрыгнет, а не то, чтобы несколько метров преодолеть? Скучища. Поэтому ему остается какой-то театр вместо рая себе придумывать с бутафорными соперниками и зрителями, болеющими за него. Или изволь кущи райские, вроде моих, разводи. Да и у врачей – та же проблема, и у прочих подобных. Кого докторам тут лечить, порошки и капли выписывать? Правда, у них хобби чуть ли не у каждого второго – то музицируют, то пишут – все эти ваши Булгаковы, Чеховы. Музыканты – действительно другое дело: играют, поют и там, и здесь, сами себя слушают, выступают. Зрители приходят их слушать – не бутафорные, настоящие души – хвалят, аплодируют, понимают их, что са-

мое главное. Всем приятно. А тут вот один профессор-патологоанатом попал сюда и... Заскучал. Заскучал – это условно, сам понимаешь. Но и он, ничего, приспособился, книжки читает в своем садике, анатомические атласы рисует, плавает в бассейне. Так что особенно бывшие рабы творчества довольны – тут им кайф. Что касается твоих возлюбленных, учти, секса особого здесь не жди, ибо это штука по большей части физиологическая, необходимая для продления рода, и такие вещи сюда не передаются. Только то хорошее, что происходит на душевном уровне, попадает сюда. Ну, ты же знаешь, какое, например, земное счастье и удовольствие после четырех кружек пива, особенно если ты с девушкой прогуливаешься, оказаться, наконец, перед писсуаром или в кустах. Что ж, и это счастье что ли сюда в рай тащить? Подожди, мы о чем? Ах да, о твоих телках. Так вот.

– Ты сам-то чего отшельником живешь? Или есть баба? Чего-то я не заметил. Может доживает еще там? Так ведь старуха, наверно.

– Ну, баба была. Была... Только она после меня быстро нашла другого хахалю. А теперь и они где-то здесь в райских своих владениях, вдвоем. Голубки. Так что нет там у меня никаких старух. У нас, правда, прекрасные отношения, встречаемся иногда. Думаешь старуха? Жди. Тут они все как кинозвезды. Когда их больше, чем двое – ну, там, жены любовницы и прочие, конечно, можно раздвоение или растроение души организовать, что б как-то сбалансировать всю

эту геометрию непростую – треугольники, четырехугольники. Чтобы всем было хорошо и приятно. Как говорится, без милого и рай не рай. Но я лично не захотел. Наверно, я не очень в этих делах, нет такой у меня надобности. А насчет тебя подумаем... Ладно, заболтались уж. Поехали, места покажу.

Толя вложил два пальца в рот и смачно свистнул. Тотчас на небе появилась звездочка, и вскоре у крылечка приземлился белый крылатый конь, с болтающейся позади коляской, тоже белой. Я не удивился, только вспомнил, что и у Толи есть за спиной крылья, а то я как-то забыл про них. Проверил у себя – нет, спина как спина.

– Толь, а ты что, сам тоже летать умеешь – без этого крылатого?

– А это что, по-твоему, рога? – мотнул назад головой Толя и чуть развернул туловище. – Обижаешь. А конька-горбунка этого я специально для тебя вызвал. Так, почудить маленько. Юмор. Крылья вашему брату не положены, только ангелам вроде меня – я на службе. Вот, пользуйся общественным транспортом. Тем более бесплатно. Сам я редко на каретах-то – свои пропеллеры есть и ладно. Любуюсь с высоты птичьего полета на красоту эту дивную, но в основном пешочком хожу – все ж привычней. Или на велосипеде. Ну, ладно, садимся.

Мы взлетели и понеслись над холмами, полями и дубравами. Я не испытывал страха – и он тоже остался в том ми-

ре, только детский восторг и смесь каких-то иных чудесных ощущений наполняли меня, которые, видимо, являются одной из нитей этого бесконечно красочного мира, похожего на Толин гобеленовый ковер из детства. Конь, кстати, хоть и махал лениво крыльями, но, как мне показалось, только для виду, или чтобы полет не выглядел совсем уж нелепым. Ну, представляете, летит, а крылья на месте стоят. Так просто болтаются. Глупо это выглядело бы. Конечно, тут физические законы только имитируются по нашему желанию и по привычке. Можно было бы и так летать, без лошади, и даже без крыльев, хоть Толя и хвастался ими. Или с одним крылом. Или с пропеллером на лошадиной морде или крупе. Или вообще, как Карлсон.

В общем, у каждой сволочи тут свой подобный островок – райский сад, им самим придуманный, по крупинцам собранный из всех самых лучших впечатлений той жизни, – пояснил еще раз Толя. – Или деревенька, даже городишко. А не был бы я Толя, а какой-нибудь Урум Басар Султан Бек Оглы, то летали бы мы *сейчас* с тобой на ковре-самолете над песчаной пустыней, любовались бы оранжевыми закатами. Слушай, а города у нас какие попадают... Но это, правда, не мое. Мне здесь хорошо – в сказочке этой. Вот подрастешь, окрепнешь, и у тебя процесс пойдет. Все лучшее постепенно вспомнишь, детские впечатления воскресишь в себе и начнешь свой рай строить. Ах, да, ты же детдомовский. По этой причине, братец мой, каша в твоей голове. Ты, считай, почти

что земной, прежний. Но ничего, всему свое время, которого здесь не существует. А потом, может, из фильмов детства да из прочитанных книжек чего-нибудь наскребешь.

– Насчет каши – точно. У меня, правда, в голове не только каша, но и подливка грибная. Грибы, правда, какие-то сомнительные, – проворчал я беззлобно и сосредоточился на невиданных красотах, проплывающих под нами. Какие-то люди в средневековых одеждах – крестьяне – махали нам с земли своими шляпами и чепчиками, задрав головы. От простиравшейся сверху картины у меня внутри разлилась настоящая волшебная музыка – все эти зеленые холмы, замки, развалины крепостей, оливковые рощи, мельницы. Кажется, под нами по узкой тропе проскакал рыцарь в доспехах на серебристом коне. Я слышал, как звенел металл доспехов, и стучали копыта. Наверняка бутафорные, как давеча Толя пояснил – и конь, и рыцарь. Так, для колориту, – пронеслось в моих фантомных мозгах.

Глава 5

Вечером (а дивные летние вечера к Толе в райский край тоже приходили иной раз – как же без них) мы отправились пешком в деревню. Ходьбы было ровно столько, сколько хотелось идти – ни больше, ни меньше. Не буду повторяться, какие чудные места по обе стороны дороги нас сопровождали и как приятно было идти. Наконец, появились кой-какие домики, а в стороне от дороги я увидел небольшую таверну. Когда мы к ней подошли, как-то быстро стало темнеть, и все небо обсыпалось крупными звездами. Не помню, чтобы видел такое в той жизни, не доводилось. Почему-то я стал различать целые планеты и даже одну с кольцом разглядел – Сатурн, что ли? Все они были яркими и красочными. И луна была – сойти с ума. На небольшой площади возле таверны горели факелы, освещая стоящие на улице длинные дубовые столы. За столами на таких же длинных лавках сидели веселые простолицы люди. Они оживленно и весело ели и пили, смеялись, пели застольные песни. Хаос яств и кувшинов с напитками царил на дубовых столах. Когда я поравнялся с одним из факелов, то специально сунул в огонь руку. Ничего не почувствовал, жареным не запахло. Однако, неподалеку на углях, как ни в чем не бывало, вертелась баранья туша, как будто по земным кулинарно-физическим законам покрываясь аппетитной золотисто-коричневой ко-

рочкой. Тонкий аромат жаркого щекотал мои голограммные ноздри. Деревенский оркестр играл потрясающие мелодии, под которые хотелось петь и танцевать. Люди были одеты в какие-то средневековые или сказочные одежды – такие, как на картинках старых детских книг про Золушку, кота в сапогах и Красную Шапочку. Я вдруг обнаружил на себе такую же сказочную одежду, то есть, платье – как раньше называли и мужской наряд. И даже шляпа с пером чудесным образом оказалась на моей голове, а также черные сапоги из хорошей кожи. Толя, как есть, оставался при своем ангельском белом балахоне-сорочке. Ему, видимо, можно было. Красавицы-девушки ловко разносили большие глиняные кружки с чем-то упоительным. Невозможно все это назвать спектаклем, когда ты сам становишься героем театральной пьесы, не видя уже ничего постороннего. С этими людьми-декорациями можно было даже запросто перекинуться парой слов, пустыми фразами, спросив «как дела», получить какой-то шуточный и остроумный ответ. Насчет длинных бесед – не знаю, можно ли о чем-то трепаться подолгу с манекенами этими заводными. Поэтому, видимо, нас с Толей хозяин заведения – толстый мужичок, вылитый Евгений Леонов, – посадил за отдельный стол, поджидавший чуть в стороне от шумной компании местных крестьян и прочих простых людей. Какое-то фантомное чувство голода тотчас овладело мной, когда девушки стали обставлять наш стол аппетитными деревенскими лакомствами, тоже, соответственно, нема-

териальными. Но, как говорится, хрен отличишь. Толя изловчился и ударил одну из девиц ниже спины, а та, наигранно охнув и нисколько не оскорбившись, увильнула свой зад от руки шалуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.